

Семенова В. В.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Концепт средств массовой информации в лирике Н. А. Некрасова

Mass Media Concept in Lyric Poetry N. A. Nekrasov

УДК 82–1;070

Аннотация. В статье исследуется концептуальное видение средств массовой информации в творчестве Некрасова. Подробно анализируются с этой точки зрения стихотворения разных циклов.

Summary. The article deals with research of mass media conceptual view in Nekrasov's works. Poems of different poetry cycles were analyzed in detail.

Ключевые слова: периодическая печать, цензор, закон о печати, цензура, лирический герой, журналист.

Keywords: periodical press, censor, mass media law, lyrical character, pressman.

Концептуальное видение средств массовой информации в творчестве Н. А. Некрасова во многом определяется тем, что он сам как автор и издатель, как редактор был активным участником процессов, в них происходивших. Этим объясняется то, что практически за каждым явлением, событием, тенденцией, ставшими предметом его поэтических наблюдений, стоят реальные факты жизни современной периодической печати.

На этом, к примеру, основаны стихотворения цикла «Песни о свободном слове». Этот цикл дает развернутую картину того, что представляла собой, в видении поэта Некрасова, периодическая печать, словно увиденная изнутри – рассылным редакцией, наборщиком, фельетонистом, а также представляет реакцию читающей публики на то, что предлагает ей пресса. Появление этого цикла связано с принятием нового закона о печати от 6 апреля 1863 года, по которому периодические издания освобождались от предварительной цензуры под денежный залог. На самом деле предварительная цензура периодических изданий заменялась карательной. По представлению Главного Управления печати после трех предостережений издание останавливали, а издателей и авторов могли привлечь к суду.

Уже в мае 1866 года были закрыты журналы «Современник» и «Русское Слово». Предупреждения выдавались даже газетам и журналам либерального и реакционного, проправительственного толка.

Стихи, составившие цикл, написаны в форме песен, которые поют поэт газетный рассылный, наборщик, поэт, литераторы, фельетонист, читающая публика.

Уже в стихотворении «Рассылный» (1865) заглавный герой рассказывает о том, как изменилась жизнь его и его знакомого, такого же редакционного рассылного «дедушки» Миная, после введения нового закона о печати.

<...> Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную роль играл, –
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать [4, 2, 155].

Новый закон о печати изменил жизнь рассыльных, отпала необходимость бегать, сбивая подметки, к цензорам по поводу каждого номера, а то и отдельной публикации. На вопрос своего приятеля о том, не к цензору ли «на Васильевский остров» идет он, герой стихотворения гордо отвечает:

<...> «Баста ходить по цензуре!

Осlobонилась печать,

Авторы наши в натуре

Стали статейки пуцать.

Каждый теперича кроток,

Ну да и нам-то расчет:

На восемь гривен подметок

Меньше изнашивается в год!...» [4, 2, 155]

Изменилась жизнь и наборщиков, чей «гимн суровый» звучит в стихотворении «Наборщики» (1865). В этом гимне есть жалобы на трудности работы «у пыльного станка», на то, что «тошней труда не сыщешь», а потому здоровье наборщика очень быстро становится «хлипким». Однако и наборщики рады тому, что «свобода слова нежданно пришла», и дела теперь пойдут по-другому. Раньше, если приносили «тетрадь оригиналу», то она работы в наборе было «до отвалу», что никак не было гарантией того, что статья получится большая:

<...> Тетрадь толстенька в стане,

В неделю не набрать.

Но не гордись заране,

Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!

Ужо мы наберем,

Оттиснем в корректуре

И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,

Надев свои очки;

Отечески марает –

Словечко, полстроки! [4, 2, 156]

Наборщики по-отечески желают «премудрой тетради» не похудеть «в цензуре», потому что по своему опыту знают, что после пера цензора у статьи бывало «живого нет местечка», поэтому набор рассыпали и освободившиеся литеры бросали, «как в ямы мертвецов»:

<...> По кассам! Вновь в порядке

Лежат одна к одной.

Потерян ключ к загадке,

Что выражал их строй! [4, 2, 156]

Загадкой останется то, что выражали эти литеры, когда были частью общего строя статьи, ее настоящий, до цензурного вмешательства вид навсегда останется тайной. Статья в ее первоначальном виде уподобляется здесь тому плоду, который унес «вихрь случайный». Определить изначальную авторскую мысль уже нельзя. На этом, о чем наборщики знают по своему опыту, превратности судьбы того материала, который еще совсем недавно был «тетрадь толстенька», не заканчиваются:

<...> Уж в новой корректуре

Статья невелика,

Глядишь – опять в цензуре

Посгладят ей бока.

Вот, наконец, и сверстка!
 Но что с тобой, тетрадь?
 Ты менее наперстка
 Являешься в печать! [4, 2, 156]

После того, как материал повторно побывал у цензора, он, бывший когда-то целой тетрадью, может явиться в печать размером уже «менее наперстка». Таковы горькие размышления наборщиков о том, какой была судьба журналистов, редакторов и их материалов в условиях предварительной цензуры. Есть в этих размышлениях и другое, принципиально важное. Наборщики – народ грамотный и во многом разбирающийся, не случайно, они «бывают философы порой»:

<...> Не всё же набирают
 Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
 Встречаются умы –
 Полезные идейки
 Усваиваем мы... [4, 2, 157–158]

Несмотря на некоторую иронию, которая слышится в использовании уменьшительных форм, наборщики умеют ценить грамотные статьи, которые содержат полезное и свидетельствуют об уме их авторов. Однако наборщикам хотелось бы, чтобы и их труд когда-то заинтересовал тех, чьи труды им приходится набирать, чтобы они заинтересовались тем, как работают те, кто воплощает на газетном листе мысли журналистских умов:

<...> Но не равны заботы.
 Чтоб время наверстать,
 Мы слепнем от работы...
 Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
 Войдите-ка в полночь
 В наборную газеты -
 Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
 Красив, как трубочист...
 Кто выдумал газетный
 Бесчеловечный лист? [4, 2, 158–159]

Место, где непосредственно создается (набирается) газета, видится самим создателям как «ад кромешный», о котором журналисты и репортеры предпочитают не писать, а нем есть свои, достойные опубликования сюжеты. Концепт газета наполняется значением *бесчеловечности* по отношению к тем, кто ее создает, к тем, условия труда которых «сложней, чем в рудниках», кто «вечно на ногах» и слепнет «от пыли и свинца». Но даже они, эти безымянные авторы «гимна наборщиков», который услышал поэт, не могут не радоваться пришедшей свободе. Об этом поют и они, и хор:

«<...> Но вот свобода слова
 Негаданно пришла,
 Не так уж бестолково
 Авось пойдут дела!» [4, 2, 159]
 Х о р
 Поклон тебе, свобода!
 Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
 С рабочего народа
 Ты тяготу сняла!.. [4, 2, 159]

Открывшемуся простору возрадовался и поэт из одноименного стихотворения, который хорошо помнит, что прежде

<...> жизнь была так коротка
Для песен этой лиры, –
От типографского станка
До цензурской квартиры! [4, 2, 159]

Рады новому закону литераторы, один из которых считает, что «Теперь пойдут иные речи!» Второй уверен в том, что «Теперь нас ждут простор и слава!» Но есть среди них и тот, кто оказался самым мудрым:

А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!¹ [4, 2, 160]

Стихотворение «Фельетонная букашка» (1865) – это не только рассказ о том, как отреагировал фельетонист на новый закон, но и выразительный образ последнего, который тем более примечателен, что стихотворение написано опять-таки от первого лица. Через этот образ передаются и черты современной периодической печати. Фельетонист сам называет себя «букашкой», которая ищет «посильного труда». По собственным наблюдениям, он, «как ходячая бумажка», сильно «поистрепался» за годы работы в печати:

<...> Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите – хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле» [4, 2, 160].

Современный фельетонист готов «хорошим слогом» писать на любую тему, его жизнь – это постоянный поиск сюжетов, за которыми он обращается к читателю. Фельетонистом его сделал Булгарин: издаваемая им «Северная пчела» одной из первых ввела раздел «Фельетоны». Необходимо только заметить, что фельетоны самого Булгарина и издаваемой им газеты отличались крайней беспринципностью и переменчивостью оценок. Герой некрасовского стихотворения признается, что умеет писать «в великосветском, модном тоне», что свидетельствует о том спросе, который есть у читающей публики на этот тон. Кроме того, из признаний фельетониста можно узнать, его интересуют черты жизни «здешней и московской», словно бы другой России и не существует вовсе, что свидетельствует о вполне определенной тенденции в российской периодической печати 60-х годов XIX века.

«Знаком вам господин Пановский? – спрашивает фельетонист. – Мы с ним похожи по перу». И такое признание свидетельствует о вполне определенной направленности творчества героя стихотворения. Н. М. Пановский – известный московский журналист, сотрудник «Московских ведомостей» и других изданий, позиция которого отличалась крайним консерватизмом и реакционностью. Поэтому нет ничего удивительного и в другом признании:

Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать? [4, 2, 161]

Эти слова фельетониста свидетельствуют о его убежденности в том, что цензуры больше нет, она осталась только в воспоминаниях:

<...> Ох! было время – вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,

¹ В данном случае Некрасов почти дословно цитирует Лермонтова: Чеченец посмотрел лукаво / И головою покачал...

И ту не в каждую статейку
Вставлял я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполошил всю цензуру,
Таскали даже ко двору. [4, 2, 161]

В представлении читателя современной прессы, последняя не может вести себя по-человечески, но при этом обладает способностью все знать и все слышать. Она научилась защищаться не только в судебном порядке, но и физически. Свободная пресса делает современность бурной и тревожной, расшатывает устои, насаждает атеизм:

<...> Все пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В Бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог! [4, 2, 165]

Последняя строка процитированного отрывка – это намек на стихотворение «Железная дорога», за публикацию которого в «Современнике» Н. А. Некрасов, как редактор журнала, получил второе предупреждение.

У читающей публики «дыбом становится волос» от того, «чем наводнилась печать». Новый закон привел к тому, что даже умеренные в прошлом издания стали позволять себе слишком много:

<...> Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над Западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах,
Точно ли вышел запрет:
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет? [4, 2, 165]

Умеренно-либеральная газета «Голос», издававшаяся А. А. Краевским, получила предупреждение за публикацию некоторых статей. В них обсуждались перспективы принятия Узбекистана в состав России («По поводу принятия Ташкента под покровительство России»), проблемы освоения русскими западных районов («Какие сословия могут более способствовать к водворению русского элемента в Западном крае»), и также само положение русских в России вообще («Русские в России»).

Чуть позже (1872) М. Е. Салтыков-Щедрин назовет либеральную газету А. К. Краевского «Голос» «Истинным Пенкоснимателем» за умение вести пространные беседы с читателем на темы, которые нельзя назвать актуальными, волнующими современников, а в самом обсуждении не углубляться и не выходить за пределы разрешенного.

Проблема продавать или не продавать на железных дорогах газеты приводит читающую публику к такому умозаключению:

<...> Что – на дорогах железных!
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.

Жизнь ежедневно дороже... [4, 2, 166]

Концепт газета, таким образом, наполняется значением *бесполезности*, она выступает в качестве одной из причин того, что многие в России живут «в нужде». Чуть ниже желание запретить продажу газет «везде» выглядит уже едва ли не как их полное запрещение, тем более, что большой беды от этого не будет:

<...> Право, конец бы таковский,
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее – что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть [4, 2, 166].

Под «газетой московской» Н. А. Некрасов подразумевал «Московские Ведомости» М. Н. Каткова. По мнению власти, даже это консервативное и близкое правительству издание в свете нового закона начинало «куролесить», в публикациях появились статьи, направленные против действий министров, хотя эта оппозиция была неизменно консервативной. Чтобы газета совсем не «ошалела», ей в марте 1866 года было вынесено первое предупреждение, однако стихотворение Некрасова датировано декабрём 1865, что свидетельствует о том, как поэт смог предугадать будущее периодического издания, решавшего воспользоваться теми возможностями, которые открывал новый закон о печати.

Вполне естественно, что читающая публика сравнивает нынешние времена, когда «все пошатнулось», с тем, как было прежде, когда печать твердо знала, кого она может избрать своей жертвой и кого не смеет касаться:

Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,
Если ж военный полковник –
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустршимый Катков.
Тронута там у него же
Много забористых тем... [4, 2, 166]

В стихотворении «Газетная»³ (1865) само место, предназначенное для чтения периодической печати, первоначально ассоциируется со свежим воздухом, светом, потому что лирический герой добирается к нему «через дым, разъедающий очи», минуя «омут кромешный» и «царство теней» светского общества.

<...> Добрались мы походкой поспешной
До газетной...
Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкаф.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп... [4, 2, 124]

Речь вроде бы идет об интерьере газетной комнаты, ее атмосфере, однако эта характеристика распространяется и на сами газеты, чтение которых несовместимо с шумом, а тем более с храпом. Ощущение гармонии и умиротворенности исчезает в тот момент, когда лирический герой размышляет о том, какой видит себя российская периодическая печать, как она себя позиционирует:

³ Газетная – название одной из комнат Английского клуба, предназначенная для чтения газет и журналов.

<...> Не без гордости русская пресса
 Именуется себя иногда
 Путеводной звездой прогресса,
 И не даром она так горда:
 Говорят – о, Гомер и Овидий! –
 До того расходилась печать,
 Что явилась потребность субсидий.
 Эк хватила куда! исполать! [4, 2, 124–125]

Российскую печать, которая «не без гордости» именovala себя «путеводной звездой прогресса», никак не смущал тот факт, что в 60-х годах некоторые газеты и журналы Санкт-Петербурга и Москвы получали правительственные субсидии на издание. Такие субсидии нельзя было расценивать иначе, как подкуп печати, которая до такой степени «расходилась» и за это ей, «звезде прогресса» – хвала и слава («исполать!»). Лирический герой с иронией сожалеет о том, что «таксы нет на гражданские слезы», но и без соответствующей оплаты они и так «льются рекой».

С иронией лирический герой размышляет о том, чем наполнены страницы современной периодической печати:

<...> Образцы изумительной прозы
 Замечаются в прессе родной:
 Тот добился успеху во многом
 И удачно врагов обуздал,
 Кто идею свободы с поджогом,
 С грабежом и убийством мешал;
 Тот прославился другом народа
 И мечтает, что пользу принес,
 Кто на тему «вино и свобода»
 На народ напечатал донос. [4, 2, 125]

За «идею свободы с поджогом» стоят вполне реальные события весны 1862 года, когда в Санкт-Петербурге произошло несколько больших пожаров.

Упомянутый «донос на народ» также имеет вполне реальную основу. В начале 60 годов в российской печати появились статьи, которые не просто обвиняли народ в повальном пьянстве и лени, но и трактовали их как результат реформы 1861 года, отменившей крепостное право. Последнее является одной из причин того, что газетно-журнальным рассказам о бедственном положении народа российская читающая публика предпочитает французские романы, она любит их за отсутствие «мрака и стона». Эта публика считает, что и так знает «наши немощи», поэтому не хочет отравлять свой утренний чай думами о них.

Сравнивая читателей газет двух столиц, лирический герой замечает, что «москвич идеальней», а потому в Москве «газетная вечно полна»:

<...> В Петербурге любители чтенья
 Пробегают один «Инвалид»;
 В дни, когда высочайшим приказом
 Назначается много наград,
 Десять рук к нему тянется разом.
 Да порой наш журнальный собрат
 Дерзновенную штуку отколет,
 Тронет личность, известную нам,
 О! тогда целый клуб соизволит
 Прикоснуться к презренным листам... [4, 2, 126]

В видении лирического героя стихотворения, читатели северной столицы предпочитают только газету «Русский Инвалид», издававшуюся Военным министерством. Предпочитают, видимо, за то, что она печатала сообщения о наградах и служебных назначениях: столичному жителю всегда интересно было знать («Десять рук к нему тянется разом»), кто ка-

кую награду получил, какие новые назначения по службе есть у друзей и соперников, знакомых и просто известных людей. Интерес к этой газете только возрастал, если кто-то из журналистов отваживался на «дерзновенную штуку» – трогал «личность, известную всем». Тогда начинались «шепот, говор», рассуждения о качестве газетной публикации, тогда разгорались «суровые толки про гласность». Все это свидетельствует о том, что даже приверженность к одной избранной газете никак не могла охладить интереса читающей публики к проблемам гласности в современной периодической печати.

При всей значимости размышлений лирического героя стихотворения «Газетная» о том, каким содержанием наполнена пресса, а также о том, как к этому содержанию относиться читающая публика, главным в нем является образ цензора, пусть и бывшего. Читатель еще не знает, о ком пойдет речь, а образ уже не вызывает симпатий:

<...> Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движениям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу. [4, 2, 128]

Этот «человечек» (не человек!) в «оны годы» служил «цензуре», поэтому, даже не будучи сегодня не при должности, сберег привычку к красному карандашу, без которого читать прессу не может:

<...> Все, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «Шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... [4, 2, 128]

Выразительный образ цензора – тощего человечка, «с озабоченным, бледным лицом», исполненного тревогою страстной, «по движениям» похожего на лису, старого и глухого, дополняется новыми красками. Он привык выправлять слог и стирать краски «с мысли автора», то есть делать ее невыразительной, бесцветной. Отношение цензора к авторской мысли приравнивается при этом к тому, как относится кошка к мыши.

Бывший цензор признается, что «ужасается», читая современные журналы, ум его при этом цепенеет, ведь в этих журналах, «что ни строчка – скандалы, скандалы». Цензора возмущает, к примеру, то, что обличен его «собственный кум» – «моралист-проповедник». По привычке, он хотел бы заткнуть рот этим журнальным обличителям, давая им вполне эмоционально выраженную и четкую характеристику, а заодно и тому, что сегодня, без него, журналы пустили на свои страницы:

<...> Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаются нечистой рукой [4, 2, 128–129].

«Цензурная логика» проста: человек, которому чин действительного статского советника даровал сам царь, не может быть проходимцем, а потому писать об этом нельзя

(«Цыц!»). Показательно, что цензора возмущает появление на журнальных страницах имени английского политического деятеля, публициста и историка Т. Маколея, французского политического деятеля и историка Ф. Гизота, теоретика анархизма П. Прюдона называет «кровопийцей», которого также незаслуженно «в печать провели». Все дело в том, что называемые цензором историки, публицисты, общественные деятели не отличались особой революционностью взглядов, их сочинения свободно и довольно широко переводились и издавались в России в 60-е годы.

Современные газетно-журнальные авторы особенно возмущают цензора «мрачного семилетия» тем, что смеют прикасаться «к государственной росписи... нечистой рукой». В словах бывшего цензора звучит гордость, когда он признается:

О чинах, о свободе, о взятках

Я словечка в печать не пускал. [4, 2, 129]

Слова же том, что «при новых порядках» он оказался не нужен, проникнуты глубоким сожалением, но герой не дерзает роптать на начальство, специфика прежней службы сделала свое дело: «*Не умею*⁴ – и этим горжусь».

Зато научился вникать в свое дело настолько, что умел подбирать ключ к любому сочинению, ловить автора «на каждом словечке», заставлять его вертеться, «как муха на свечке», дрожать перед всеильным цензором, чтобы в итоге:

<...> И уйдет тихомолком домой.

Рад-радехонек, если тетрадку

Я, похерив, ему возвращу,

А то, если б пустить по порядку...

Но всего говорить не хочу! [4, II, 129]

«Пустить по порядку» – это норма старого закона о печати, согласно которой, «вредную» рукопись не следовало возвращать автору, а по установленному порядку передать в Третье (жандармское) отделение. Еще одна примечательная деталь, характеризующая положение российской прессы до принятия закона 1863 года.

Сам себе бывший цензор видится земледельцем, который вырывал «сорные травы из гряд».

Не меньшую гордость за себя вызывают воспоминания героя о том, какие идеи и мысли, благодаря его участию, стали достоянием периодической печати. В первую очередь, те, которые были «дельны и строги»:

<...> Я вам мысль, что «большие налоги

Любит русский народ», пропустил,

Я статью отстоял в комитете,

Что реформы раненько вводить,

Что крестьяне – опасные дети,

Что их грамоте рано учить! [4, II, 129–130]

В 60-е годы XIX века в России активно обсуждался вопрос о необходимости образования для крестьянства, его уровнях и направленности. Значительная часть дворянства при этом абсолютно отрицала необходимость даже элементарной грамоты для крестьян, считая это даже опасным для государства. Цензор, естественно, оказался на их стороне.

Кстати, стихотворение «Газетная» стало одним из произведений Н. А. Некрасова, за публикацию которых в 8 и 9 номерах за 1865 год журналу «Современник» было вынесено первое предостережение, хотя в самом тексте предостережения оно и не было названо. Цензурное ведомство не захотело признаваться в том, что одной из причин этого предостережения стала такая откровенная сатира, даже издёвка над тем, что такое цензура и кто ею занимается.

В таких обстоятельствах, в условиях действия таких законов о печати предстает в лирике Н. А. Некрасова концепт средства массовой информации.

⁴ Курсив Н. А. Некрасова. – С. В.

Литература

1. Аскольдов А. С. Русская словесность: Филологический концептуализм: Антология. М., 1997. 280 с.
2. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 320 с.
3. Некрасов Н. А. Собр. соч. в 4 т. М. : Правда, 1979.
4. Семенов А. Н., Семенова В. В. Концепт средства массовой информации в структуре художественного текста. Ч. 1 (Зарубежная литература). СПб. : ЛФ «Дорога жизни», 2011. 367 с.

References

1. Askol'dov A. S. Russkaja slovesnost': Filologicheskij konceptualizm: Antologija. M., 1997. 280 s.
2. Kubrjakova E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M., 1997. 320 s.
3. Nekrasov N. A. Sobr. soch. v 4 t. M. : Pravda, 1979.
4. Semenov A. N., Semenova V. V. Koncept sredstva massovoj informacii v strukture hudozhestvennogo teksta. Ch. 1 (Zarubezhnaja literatura). SPb. : LF «Doroga zhizni», 2011. 367 s.